Марианна Милейко

#Ваша девочка–

больше тепла, меньше нервов!

Как получать удовольствие, воспитывая дочь

АКАДЕМИЯ ПСИХОЛОГИИ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Марианна Милейко

Ваша девочка – больше тепла, меньше нервов! Как получать удовольствие, воспитывая дочь

«АСТ»
2016

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Милейко М.

Ваша девочка – больше тепла, меньше нервов! Как получать удовольствие, воспитывая дочь / М. Милейко — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-098920-1

Автор полюбившейся читателям книги «Больше любви, меньше паники: это ваш мальчик. Как не сойти с ума, воспитывая сына» психолог Марианна Милейко приглашает к разговору родителей девочек. Психологические особенности девочек от рождения до подросткового возраста, типичные сложности и радости общения с дочерьми, самые актуальные проблемы и пути их разрешения, отношения ребенка с родственниками, учителями и детским коллективом – все эти важные вопросы освещаются на страницах книги. Советы опытного психолога, личный опыт мамы троих детей (двух девочек и мальчика) и тонкий юмор – несомненные достоинства этого издания.

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-17-098920-1

© Милейко М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Об авторе 6
От автора 7
Часть первая. «Девочка – тоже хорошо» 8
Девочки: ожидания и реальность 9
Пара слов о темпераменте, который дается человеку от рождения, даже если этот человек – девочка 12
Гендерные стереотипы относительно девочек 14
Ощущение принадлежности к полу – женский взгляд 19
Отношение к агрессивности и независимости 23
Пара слов о погоде в доме и физических наказаниях 25
Восприятие и переживание своего тела 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Марианна Милейко
Ваша девочка – больше тепла, меньше нервов! Как получать удовольствие, воспитывая дочь

© Милейко М., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

• • •

После выхода книги «Больше любви, меньше паники: это ваш мальчик. Как не сойти с ума, воспитывая сына» с нетерпением ждала книгу о девочках. И она меня не разочаровала!
Алина Р., Москва

Книга порадует всех, кто знаком с первой книгой автора, – тот же дружелюбный тон, юмор, понятное изложение и советы, применимые в реальной жизни.
Юлия Б., Санкт-Петербург

Рекомендую книгу Марианны Милейко всем папам дочерей, которые хотят понять, «из чего же сделаны наши девчонки».
Анатолий М., Самара

Уменя три девочки: трех, шести и двенадцати лет, и для меня эта книга – просто энциклопедия выживания!
Марина П., Астрахань

Свой подростковый возраст вспоминаю с ужасом – страхи, комплексы. Полное отсутствие взаимопонимания с родными… Очень хочется, чтобы у моей дочери все было совсем не так. Надеюсь, с помощью советов Марианны Милейко я смогу помочь своему ребенку одолеть этот период перехода во взрослую жизнь без потерь…
Ирина М., Нижний Новгород

Эту книгу нужно выдавать всем родителем девочек при выписке из роддома! Скольких проблем мы могли бы избежать, если бы тогда с нами рядом был такой советчик!
Светлана и Николай Р.,
Ростов-на-Дону

Об авторе

Марианна Милейко окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (кафедра клинической психологии факультета психологии), защитила кандидатскую диссертацию на факультете психологии СПбГУ. Работала медицинским психологом в больницах Москвы и Санкт-Петербурга, сейчас – сотрудник Психолого-педагогического центра «Здоровье», ведет частную практику. В 2013 году стала победителем районного конкурса «Учитель года» в номинации «Служба сопровождения». Автор научных публикаций и статей.

Мама троих детей.

Связаться с автором вы можете по e-mail:
marimile@mail.ru

От автора

Когда я написала книгу о мальчиках, многие спрашивали меня: «А про девочек? Когда ты напишешь про девочек?» И друзья, и читатели, и клиенты, и мои дорогие редакторы – все ждали следующей книги. Конечно, я понимаю, что мамам дочек ничуть не проще, чем мамам сыновей. Хотя, признаюсь честно, самой мне почему-то намного легче растить девочек, чем мальчика. Может быть, сказывается то, что они появились позже, когда я уже стала более опытной матерью, а может, мне просто сказочно повезло на раздаче. Хотя я по-прежнему не знаю, как правильно воспитывать детей. Мне вообще кажется, что на самом деле никто не знает точно, как правильно, все мы движемся на ощупь.

Возможно, помимо профессиональных знаний, мне помогает все, чему я научилась за те шестнадцать лет, что у меня есть дети: терпение, творческий подход к любой ситуации и «китайское качество» – умение остановиться на сделанном достаточно хорошо и не пытаться достичь совершенства. Я продолжаю искать, продолжаю читать профессиональную литературу и книги для родителей, изучаю все эти «новые течения»: доктор Комаровский, поведение доминирующей альфы… И вижу, что все равно опытные родители говорят примерно одно и то же, хотя время от времени мне удается пополнить и личную родительскую, и профессиональную копилку какими-то новыми инструментами или приемчиками.

Опыт практической работы с детьми и семьями дает мне чуть больше простора для проверки общих закономерностей, которые стоит учитывать, чтобы растить ребенка было немного проще. Всем этим мне и хотелось бы поделиться в робкой надежде, что мои обобщения, мысли и наблюдения могут быть кому-то полезными.

Хочу выразить благодарность моим детям – Виктору, Анне и Алисе – за то, что были моими самыми надежными партнерами в нелегком деле воспитания детей, и за их бесконечную любовь, доброту, снисходительность и поддержку.

Мне хотелось бы поблагодарить моих учителей: Сергея Николаевича Ениколопова, Бориса Сергеевича Братуся, Марию Роальдовну Миронову – за ту щедрость, с которой они делились со мной знаниями, за то, что познакомили меня со счастьем научного творчества, и за то, что подавали и подают пример – что значит быть ученым, человеком, первопроходцем.

Еще хочу поблагодарить за веру в меня моих друзей – Лизу Красильщикову, Марианну Гольберг, Соню Коршунову, Марину Романову, Наталью Нольд, Женю Мисявичуте, Машу Кановскую.

Я очень признательна моим коллегам, которыми безмерно восхищаюсь, – Юрию Аркадьевичу Скроцкому, Маргарите Николаевне Ильиной, Татьяне Николаевне Березиной, Нине Яковлевне Головневой, Александре Яковлевой, Елене Опариной, Ксении Шишаловой, – за вдохновение и атмосферу, которую они создают в нашем общем деле.

В целях соблюдения конфиденциальности детали всех упомянутых в книге примеров изменены, чтобы никого из клиентов нельзя было идентифицировать. Так что совпадения с реальными лицами следует считать случайными.

Часть первая. «Девочка – тоже хорошо»

Психологические особенности девочек. Некоторые рассуждения о том, как формируется женское начало в ребенке.

Девочки: ожидания и реальность

Часто будущих родителей спрашивают: «Кого ты больше хочешь – мальчика или девочку?», и редко можно услышать ответ: «Мне все равно». Как будто есть магазин или стол заказов, где можно получить ребенка определенного пола! Статистически чаще отцы хотят сыновей: до сих пор у нас присутствуют культурные установки на то, что сын – это наследник, продолжатель рода, ребенок предпочитаемого пола. Почему так – я немного говорила в книжке про воспитание мальчиков. А девочка – «тоже хорошо», то есть она как бы сразу существо менее предпочитаемого пола. Есть даже такая идея, такой культурный миф, что отец может хотеть дочь, только если у него уже есть много сыновей или, в усеченном, «городском» варианте – один сын.

Если же в семье одни дочери, то где-то в глубине души это связывается с какой-то недостачей, неблагосклонностью божеств, неуспехом, почти что родительской некомпетентностью. Как говорил мой папа: «Было у отца три сына, два умных, а один – футболист… А у меня – две дочери, и обе психологи». Давление традиции таково, что дочь не считается ни наследницей фамилии, ни продолжательницей рода. Это кто-то, кто вырастет и «уйдет в другую семью», унесет часть семейной истории на чужой двор. Хотя объективно это уже давно не так: ни одна из моих замужних подруг, да и я тоже, фамилию не меняли. И если говорить об отцах, то иногда им трудно бывает признаться себе, что именно дочь – желанный ребенок. А признавшись, как-то увязать это желание со своими представлениями о том, как правильно – «посадить дерево, построить дом, вырастить сына».

Женщины часто считают, что дочь – это прекрасно, наверное, потому, что еще в детстве, играя, привыкают наряжать и причесывать кукол. К тому же многим из нас мужчины кажутся не очень понятными, сложными натурами, а маленькие мальчики – шумными, хаотичными и агрессивными разрушителями. Девочка же представляется как маленькая принцесса, одетая в розовое платьице, тихо перебирающая тряпочки, аккуратная, чистенькая и миловидная. Никакого крика, никаких драк, никаких порванных штанов! Только балет и керамика!

На самом деле стоит всерьез задуматься о том, откуда в нашем сознании всплывают эти пасторальные картины и насколько они соответствуют реальности. Малютка в розовом платьице, безусловно, прекрасное создание, но встречается там же, где и говорящие зверушки, лазоревые единороги, феи с крылышками и прочие подобные создания, – в диснеевских мультфильмах и на полках игрушечных магазинов. Странно, что наши идеальные представления о девочках выглядят так безжизненно и мультяшно!

Удивительно это еще и потому, что в нашей культурной традиции, в отличие, например, от традиции западноевропейской, сохранились очень древние сказочные сюжеты, в которых фигурируют герои женского пола – девочки, девушки, женщины и старухи. Девочка, девушка, женщина, старуха не покидали наших сказок, были действующими лицами ровно такого же количества сюжетов, как и мальчик, юноша, мужчина, старик. И в наших сказках можно легко найти истории о женской инициации, о гендерных ролях, о присущих женской природе стадиях роста.

Ни Крошечка-Хаврошечка, ни Василиса Премудрая, ни Марья Моревна, ни Баба-Яга не выглядят мультяшно, как мыльный пузырь или пластмассовая уточка. В каждой из этих сказочных героинь есть и сила, и мудрость, и смелость, и агрессия, и способность к риску в преодолении препятствий. Это совсем не милые воздушные создания, и в то же время их энергия, способности, агрессивность и отважность – совсем иного качества, чем у героев-

мужчин. Но, так или иначе, то, что приходит на ум, когда мы думаем о «девочковом», – сильно измененное, искаженное поп-культурой представление.

К образам «маленьких розовых принцесс» частенько добавляется некоторое количество семейных легенд и запросов, какой должна быть девочка. Или она должна быть умной и работящей, чтобы самой о себе позаботиться, если вдруг ей придется остаться без мужчины, или, напротив, «красивой и бесполезной», чтобы «удачно выйти замуж за богатого Ганса». Каждая семейная история изобилует примерами – как надо быть ***хорошей девочкой,*** к какому идеалу следует стремиться. Об этом можно более подробно прочитать в книге Анн Шутценберг «Синдром предков»: про семейную лояльность и про то, что частенько мы вынуждены почти против воли проявлять ее, повторяя какие-то семейные истории.

Даже когда никакой девочки еще нет или она только-только показала на УЗИ, кто она, мы уже полны планов и соображений, кого теперь будем воспитывать, в какие платья наряжать, как причесывать, за кого выдавать замуж! И стоит помнить, что у каждого из взрослых, глядящих в монитор УЗИ-диагноста или стоящих у колыбели, громадье планов, причем совершенно особенных, его личных, единственно верных планов: сколько должно быть пятерок в дневнике, нужно ли покупать Барби или «петшопов», куда лучше отдавать – в музыкальную школу или на художественную гимнастику…

[?!] И дай бог, чтобы взрослые были готовы обсуждать свои ожидания не в стиле: «Есть два мнения – мое и неправильное!» и прислушиваться еще и к той маленькой девочке, которая уже появилась или вот-вот появится.

Частенько у новоиспеченных родителей вырываются такие реплики: «Микротеща!»; «Глаза, как у твоего брата!»; «Вся в мать пошла!» Все эти высказывания – лишь наш способ выдать желаемое за действительное, приписать ребенку черты, которые мы хотели бы или, напротив, не хотели бы видеть. Притом что у каждого ребенка – своя собственная история. Даже близнецы, похожие друг на друга как две капли воды, на самом деле очень разные: некоторые из известных мне близнецовых пар специально «наращивают» внешние отличия, чтобы окружающим было понятно, что они – отдельные личности.

Генетика, «продажная девка империализма», конечно, имеет значение, но не очень понятно, какое, если речь не идет о предсказании вероятности появления генетических заболеваний и тесте на определение отцовства. Более того, на данный момент спор о том, что влияет на детеныша человека больше – наследственность или среда, – успешно разрешен благодаря длительному исследованию Александра Томаса и Стеллы Чесс, о котором я расскажу ниже. Скорее, когда мы говорим о «генах и чебурашках», по меткому выражению Людмилы Петрановской, мы имеем в виду снова свои ожидания, предположения, фантазии и семейные легенды.

Безусловно, дети часто бывают внешне очень похожи на своих родителей или на кого-то из родственников, но это во многом связано с тем, что они «снимают» их интонации, мимику, позы, походку. Благодаря этому усыновленные дети через некоторое время становятся похожи на приемных родителей, а много лет прожившие вместе супруги – друг на друга. Так что, когда мы, подобно королю из фильма «Обыкновенное чудо», начинаем рассуждать: «Не виноват! Предки виноваты! Прадеды-прабабки, внучатые дяди-тети разные, праотцы, праматери, угу. Вели себя как свиньи последние, а я теперь расхлебывай их прошлое», – это всего лишь попытка выдать желаемое за действительное, вписать непричастного младенца в готовую историю, найти, может быть, что-то похожее на объяснение или оправдание.

Как семейная шуточка – вполне неплохо. Но если мы сравниваем с кем-то девочку, то важно осознавать – с кем именно и почему, чтобы не приписать ей несуществующих свойств.

Что такого в ней напомнило двоюродную тетушку? Зачем сейчас сравнивать с ней нашу дочь? Внешность, улыбка, манера говорить? Или, прежде чем восклицать: «Она такая же плакса, как мой братец!», подумать, что это совсем другая история! Потому что, хоть дочка и часто плачет, напоминая старшего брата, она совершенно другой человек, своя собственная девочка, со своими собственными характером и темпераментом.

Пара слов о темпераменте, который дается человеку от рождения, даже если этот человек – девочка

Когда ребенок рождается, он уже обладает некоторым темпераментом. И от того, каков врожденный темперамент младенца, очень зависит, насколько просто или сложно будет с этим младенцем в первые годы жизни. Иными словами, насколько оправдаются или не оправдаются наши ожидания относительно спокойной, кроткой и послушной малютки.

Повторю здесь то, что писала в книжке про мальчиков. Под темпераментом специалисты сейчас понимают не предложенную Аристотелем концепцию деления на четыре типа, в зависимости от преобладания какой-то жидкости в организме: холерик, сангвиник, меланхолик, флегматик. Давно уже выяснили, что ни большого количества слизи, как у флегматика, ни большого количества черной желчи, как у меланхолика, в организме не циркулирует. Конечно, в быту мы часто говорим: «Он сангвиник!» или «Он флегматик!», но имеем в виду, скорее, веселый, жизнерадостный нрав или медлительный и обстоятельный склад характера.

В научной психологии давно уже принято говорить о темпераменте как о врожденном наборе психических реакций.

Вот основной и общепринятый перечень характеристик, по которым психологи оценивают темперамент ребенка:

- активность;
- пороги реакции на внешние стимулы;
- ритмичность (стремление подчиняться ритму, структуре);
- стремление приближаться к новому объекту или избегать его;
- настроение (в целом чаще хорошее или чаще плохое);
- интенсивность сигналов (громко или тихо сообщает о своих потребностях);
- настойчивость;
- адаптивность (способность быстро приспосабливаться к новому);
- отвлекаемость.

Понятно, что у каждого ребенка будет свой собственный, индивидуальный рисунок темперамента.

[?!] Однако для простоты понимания всех обследованных разделили на четыре категории: дети с легким темпераментом – их примерно 40 %, с трудным темпераментом – 10 %, «медленно разогревающиеся» – примерно 15 % и все остальные, у которых нет ярко выраженных темпераментных черт, – их где-то 35 %.

Так вот, еще в 1956 году американские ученые А. Томас и С. Чесс провели исследование, чтобы выяснить, какой вклад вносит в формирование характера ребенка наследственность (те самые «гены с чебурашками»), а какой – среда воспитания, в частности, воспитательный стиль матери. Исследование проводилось среди одних и тех же пар (мама – ребенок) и длилось несколько лет.

Томас и Чесс выяснили, что стиль материнского воспитания гораздо сильнее влияет на формирование личности ребенка, чем такая врожденная характеристика, как темперамент.

Дети с легким темпераментом, растить которых одно удовольствие и природа которых не располагает ни к психопатологии, ни к трудностям в развитии, у матерей с «холодным» воспитательным подходом и в конфликтных семьях в школьном возрасте все-таки становились «трудными», а иногда – клиентами психотерапевтов и психиатров! А дети с трудным темпераментом в мягком семейном климате, при наличии поддерживающей матери и при добром, внимательном отношении «выправлялись» и компенсировали издержки своего темперамента. С тех пор этот эксперимент и его результаты стали классическими и разрешили для специалистов давний спор: «Наследственность или среда?»

Хочется еще добавить, что если бы с генами все было так однозначно, то у хороших людей никогда не появлялись бы «неудачные» дети – преступники, наркоманы, мерзавцы. А в плохих семьях не рождались бы милые, хорошие дети. Вспомним прекрасно описанный Антоном Семеновичем Макаренко опыт перевоспитания малолетних преступников в его детских колониях! Это не сказка, это реальный пример.

Так что нечего пенять на генетику, она в любом случае у ребенка такая, какая есть, изменить ее не в наших силах. Зато в наших силах создать среду, где ребенок вырастет гармоничным, более всего похожим на себя подлинного, то есть, по сути, здоровым. В наших силах выработать какой-то личный стиль воспитания, подходящий именно нашему ребенку.

Так что давайте запомним, что ни темперамент, ни тем более пол изменить сейчас мы не в состоянии, зато мы можем изменить свое отношение и к тому, и к другому.

Гендерные стереотипы относительно девочек

Теперь хотелось бы немного поговорить о том, какой мы предпочитали бы видеть девочку, что каждый из нас думает, когда представляет себе «хорошую девочку», «настоящую девочку», «идеальную женщину». Во многом наши представления о «хорошей девочке»: «добрая-ласковая-скромная-хозяйственная» – плавно перетекли к нам из крестьянского менталитета, что, в общем, неудивительно. Ведь еще сто пятьдесят лет назад от 70 до 90 % населения нашей страны были именно крестьянами, и практически у каждого из нас есть как минимум один крестьянский предок. Уклад, который формировался несколько столетий и очень хорошо соответствовал тогдашнему образу жизни большинства людей, оказался очень устойчивым. Он не изменился под воздействием революций, войн, перестроек, на нем не сказался тот факт, что значительная часть его носителей переехала в город и теперь это уже городские жители во втором-третьем-четвертом поколении.

[?!] И для большинства из нас девочка – это обладательница качеств, которые впоследствии сделают из нее «хорошую жену» в представлениях традиционной модели семейных отношений: послушную, заботливую, внимательную к потребностям других.

Даже если женщина или мужчина сами для себя хотят скорее равного, партнерского брака – такого, где обязанности по ведению домашнего хозяйства, зарабатыванию денег, воспитанию детей распределяются между супругами гибко, в стиле «кто первый встал, того и тапки», дочку все равно стремятся воспитывать как аккуратную, уступчивую и умеющую готовить. Если же в семье оба супруга придерживаются традиционной модели брака, где довольно жестко фиксированы обязанности супругов: муж зарабатывает, «приносит мамонта», жена сидит дома, воспитывает детей, чистит кастрюли и хранит очаг, – тут уж девочка просто обязана олицетворять собой «очарование женственности», и если, не дай бог, она упрямая, хулиганистая и любит лазить по деревьям – жди беды. Родителям будет казаться, что с ней что-то не так. «Что из нее вырастет! Мы ее неправильно воспитываем! Как она замуж выйдет! Девочка такой быть не должна!»

Конечно, девочке чуть проще, чем мальчику, уложиться в требования, которые к ней предъявляет окружение, прежде всего за счет того, что женщины – в целом намного более нормативная часть популяции. Женщина в биологическом смысле отвечает за сохранение хороших, приспособительных качеств популяции. Если мальчиков больше рождается и больше погибает и они – авангард эволюции, то девочки – ее надежный тыл. Среди родившихся девочек в каждом поколении по сравнению с мальчиками гораздо меньше и феерически гениальных, и совсем уж глупых.

[?!] Иными словами, меньше процент «эволюционного брака», потому что биологическая роль женского начала – накапливать адаптивные признаки, сохранять их и передавать дальше.

По этой же причине, из-за своей биологической роли, девочки, женщины, созданные вынашивать, рожать и растить детей, гораздо более психически устойчивы, чем мальчики. Некоторые нарушения (например, неврозоподобный ночной энурез) у мальчиков возникают в десять раз чаще, чем у девочек! Более того, есть психические заболевания, которые у девочек протекают в целом гораздо легче, чем у мальчиков. Они как-то проще переносят различные вредные воздействия и не настолько повреждаются, как мальчики. Трудности, с которыми обычно сталкиваются родители дочерей, несколько отличаются от тех, что приходится

познать родителям сыновей. Девочек существенно реже ставят на милицейский учет, исключают из школы за двойки или бесконечные драки. Скорее, речь идет о конфликтах с мамой или папой, о «лени», о странных друзьях или слишком сильных подростковых увлечениях – диетой, спортом и пр.

Правда, есть и обратная сторона: если у девочки возникают действительно серьезные проблемы с поведением, значит, ее способность адаптироваться, приспосабливаться и выдерживать негативные переживания уже серьезно нарушена, как будто прорывает невидимую плотину. И чтобы вернуть эти разлившиеся реки в нормальное русло, требуется гораздо больше усилий, чем в аналогичном случае с мальчиком.

Еще стоит отметить, что девочки и мальчики отличаются друг от друга степенью развитости в тех областях, которые принято связывать с так называемым вербальным интеллектом (способностью решать задачи, связанные с речью) и социальным интеллектом (способностью устанавливать контакты с другими людьми, ориентироваться в человеческих взаимоотношениях).

Девочки раньше начинают говорить и всю жизнь говорят больше, лучше и чаще, чем мальчики. Считается, что женщине обязательно нужно произносить какое-то определенное количество слов в день, чтобы хорошо себя чувствовать. Мы любим болтать, говорим просто ради того, чтобы поговорить (как в том анекдоте про двух женщин, которые просидели двадцать пять лет в тюрьме в одной камере, а когда вышли, еще немного поболтали, прежде чем разойтись по домам).

Девчонки лучше осваивают языки, часто становятся учителями родного или иностранного языка (что, однако, не мешает им иногда писать с ошибками). На самом деле это неудивительно, ведь именно женщины обучают своих детей языку! Каждая из нас интуитивно владеет стопроцентно эффективной методикой обучения разговорному языку, точно знает, что, когда и как надо делать, чтобы ребенок научился говорить! И один из методов, который мы применяем, – «оречествление действий», сопровождение речью всего, что ребенок делает.

[?!] Вот мы и тренируем наш методический аппарат в свободное от работы время, а не просто бессмысленно болтаем о разной чепухе!

Конечно, несмотря на все природные особенности и среди девочек встречаются такие, которые позже и труднее начинают говорить, не выговаривают половину звуков, а в школе получают двойки из-за пропусков или замен букв при письме. И если это про вашу дочку, то здесь обязательно нужна комплексная помощь специалистов: логопедов, дефектологов и психологов. Девочки в данном случае более уязвимы, чем мальчики, – и потому, что страдает их врожденно сильная сторона, и потому, что от них не ждут таких трудностей, и потому, что, как правило, девчонки более старательны, ориентированы на похвалу и успех в социуме.

И вот желание, чтобы похвалили, – это как раз про социальный интеллект, то есть про способность распознавать чувства других людей, разбираться во взаимоотношениях окружающих и ориентироваться на их реакции. Обычно девочки и по природе своей гораздо больше погружены в общение, чем мальчики, они более замкнуты на других людей, лучше чувствуют эмоциональные связи. К тому же мы и сами поддерживаем в девочках эту природную склонность, говоря: «Уступи!», «Пожалей!», «Поставь себя на его место!» И девочка более или менее покорно уступает, жалеет, ставит себя на чье-то место. Особенно если она по природе своей **эмпатична**, то есть настроена на чувства окружающих.

Конечно, встречаются и мальчики, настроенные на сочувствие и сопереживание, из них-то потом и вырастают успешные психотерапевты, учителя – ловцы детских душ и прочие мужчины с тонкой душевной организацией. Но так же, как от мальчика ожидают скорее физической силы, агрессивности, умения постоять за себя, от девочки ждут мягкости, внимания и заботы о других. Поэтому, если девочка и не склонна задумываться о других,

окружающие все равно будут ожидать от нее более уступчивого, социально ориентированного поведения.

[?!] Именно так и развиваются качества личности, привычным образом связанные в наших представлениях с полом, – **гендерные качества.**

В самом по себе формировании гендера и тех или иных гендерных качеств ничего плохого нет, более того, пол и гендер – слишком важные, существенные и неотменяемые характеристики, чтобы без них можно было обойтись. Главный герой фантастической книги Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране» – человек, выращенный марсианами и присланный как шпион на Землю, – говорит, что именно деление на два пола – важнейшая особенность людей, источник огромной радости и всей нашей цивилизации. Зачем пытаться обеднить себя, нивелируя эти важнейшие характеристики?

С другой стороны, стоит понимать: то, что мы сейчас считаем качествами, присущими полу, – чаще всего именно гендерные качества, то есть те, которые мы на данный момент в нашей культуре ***приписываем*** мужскому или женскому полу. Иначе подобный взгляд становится источником большого количества спекуляций на тему: «Какой должна или не должна быть настоящая женщина» и мешает не только воспитывать дочку, но и реалистично воспринимать своего партнера и самого себя.

Очень популярные ныне курсы и тренинги «пробуждения женственности» чаще всего просто запихивают женщину в прокрустово ложе странных, крайне мифологизированных и устаревших гендерных стереотипов. Предполагается, что, начав, например, носить длинную юбку и перестав строить карьеру, женщина немедленно обретет и покой в душе, и личное счастье, и мир в семье. Чудодейственность таких простых преобразований объясняют просто: «Веды так говорят!», «В старину древние русичи делали так и жили счастливо!» – то есть отсылают нас к некоторым тайным знаниям и их носителям, которые, подобно героине Татьяны Догилевой из кинофильма «Блондинка за углом», *«лучше* знают, как лучше». Что на самом деле говорили Веды о жизни женщины в городе, где есть общественный транспорт, а зимой температура воздуха частенько опускается до -25…–35, остается неясным. Во-первых, этих самых Вед, как правило, никто не читал, а во-вторых, вряд ли их авторы что-то знали о существовании давки в маршрутках, трехметровых сугробах и восьмичасовом рабочем дне в офисе.

Так что, думая о том, что же такое женственность, женские качества в нас самих, в глазах наших мужчин, и какие из них мы ожидаем увидеть в дочери, стоит помнить, что во многом мы смотрим через призму стереотипов, а иногда и культурных мифов вроде наших представлений о жизни древних русичей.

Неплохо бы, по крайней мере, осознавать, что хотя и есть какие-то качества и свойства, которые принято считать женскими, девичьими, присущими женской природе, во многом представления о них – продукт и нашей культуры, и наших личных взглядов.

И когда у каждого члена семьи есть свой взгляд на то, чего мы хотим от нашей девочки, самой этой девочке может быть очень и очень нелегко. Хотя бы потому, что у нас семьи часто включают в себя не только родителей, но и бабушек-дедушек, и живут все вместе – пресловутый квартирный вопрос все так же портит москвичей. А уж если все эти взрослые не могут договориться между собой, то получается, как в известной басне про Лебедя, Рака и Щуку: каждый тянет в свою сторону. И ребенок неизбежно все время переживает: послушаешь маму – обидится папа, сделаешь, как хочет папа, – рассердится дедушка… Это намного хуже, чем работать под руководством трех все время спорящих друг с другом начальников!

И, если от начальников можно избавиться, уволившись, или забыть о них, когда рабочий день закончен, от близких деваться некуда.

Именно поэтому специалисты давно заметили, что такой стиль воспитания – он называется «рассогласованный» – очень сильно вредит личности ребенка. Ведь тут никогда не выходит так, что он хорош для всех и все им довольны. Что бы ни делал ребенок, всегда он будет перед кем-то виноват, кто-то будет сердиться, ругаться, обижаться. Особенно нелегко приходится в такой среде девочке, словно созданной для восприятия чувств окружающих, заботливой и чувствительной. Она старается вести себя так, чтобы папа не кричал, мама не плакала, а бабушка не хваталась за сердце, но в семье, где каждый требует своего, это просто невозможно. Получается, что куда ни кинь – всюду клин, как ни веди себя – ошибешься и кого-то непременно расстроишь или рассердишь.

Самое разумное в этой ситуации – всем взрослым сесть за стол переговоров и попробовать договориться: какие правила мы соблюдаем, какие качества и какое поведение поддерживаем в нашей девочке, а с чем «организованно боремся». Я очень верю в то, что взрослые люди большинство разногласий способны разрешить путем мирных переговоров. Даже если учитывать, что договориться – не то же самое, что «прогнуться под изменчивый мир», и не то же самое, что сделать так, как хочет самый властный взрослый. Все-таки переговоры и согласование стиля воспитания подразумевают и обсуждение, и компромиссы. При этом требования и пожелания родителей имеют приоритет по сравнению с мнением бабушек и дедушек. Конечно, мнение бабушек и дедушек тоже стоит учесть, особенно если они много времени проводят с ребенком, но ответственность за него все же несут родители.

В нашей традиционной культурной модели, сто или даже пятьдесят лет назад, родители работали, а воспитанием детей занимались прародители. Да, остатки этого уклада довольно привычны нам, и сейчас некоторые матери выходят на работу, а ребенка оставляют бабушке, но кое-что поменялось. Спрос теперь с родителей: так считают они сами, так принято считать в социуме, так считают и сами бабушки-дедушки. В традиционной культурной схеме ответственность была на том, кто воспитывает: большак и большуха, то есть свекор и свекровь, отвечали перед «миром» (общиной) за поведение всех неженатых/ незамужних детей, за поведение невестки и воспитание внуков. Сейчас эта схема поменялась – сколько бы времени ни проводила бабушка с внуками, в «успехах» и «промахах» скорее винят не ее, а родителей.

Существенное участие бабушки или дедушки воспринимается как вынужденная мера, иногда как признак неблагополучия: отсутствия отца, очень-очень опекающего стиля воспитания ребенка. Сами матери частенько начинают конкурировать с бабушками, соревноваться с ними, отвергать все, предложенное мамой или свекровью, именно потому, что им как будто хочется отобрать назад ответственность за собственного ребенка. «Мы хотим сами совершать ошибки в воспитании нашей дочери и сами за них отвечать!» – вот что говорят такие родители.

Очень жаль, если воспитание ребенка становится полем для выяснения – чья правда правдивее и чье кунг-фу сильнее. Если самим участникам воспитательного процесса никак не договориться, именно потому, что это не просто ребенок и не просто воспитание, а геополитическая битва и раздел областей влияния, – тогда нужно обращаться к специа листу.

И за помощью в непосредственном ведении переговоров, и за тем, чтобы разобраться, почему настолько важно: должна или не должна девочка быть очень аккуратной, и можно ли есть мороженое до обеда?

Ну а если ситуация, по вашему мнению, настолько безнадежна, что никакой, даже самый прекрасный специалист тут не поможет (хотя, по большей части, психотерапия все-таки помогает, даже в довольно «безнадежных» случаях), то тогда стоит просто разделить сферы влияния. Договориться о том, что у бабушки – бабушкины правила, а у вас дома – ваши. Лучше так, чем никак. Главное, все-таки, не тянуть ребенка в разные стороны.

Теперь мне бы хотелось чуть больше поговорить о некоторых вещах, которые делают девочку девочкой. Я имею в виду не половые признаки, а, скорее, какие-то особенности самоотношения и восприятия себя и мира, присущие, скорее, девочке, девушке, женщине, нежели мальчику, юноше или мужчине.

Ощущение принадлежности к полу – женский взгляд

В отличие от мужчин мы, женщины, ощущаем свою принадлежность к полу, как только начинаем осознавать, что этот самый пол – есть. То есть годам к трем-четырем любая девочка уже знает, что она девочка. Как евреем или мусульманином, женщиной рождаются. Для любой из нас принадлежность к женскому полу определяется данной нам способностью рожать детей, давать жизнь. Если девочка, девушка, женщина не утратила эту способность в результате врожденной патологии, несчастного случая или болезни, то никаких сомнений в своей принадлежности к полу у нее нет.

При этом, конечно, она может сомневаться в своей красоте, привлекательности, сексуальности, ориентации, но не в том, что она – женщина.

Она твердо знает, что принадлежит женскому полу, женской составляющей мира, если хотите. Все обряды женской инициации – как в примитивных культурах, так и в современной жизни – построены вокруг женской репродуктивной функции: первая менструация, дефлорация, беременность, деторождение, климакс.

И раз так – вроде бы, все просто, не над чем особенно париться и переживать. В определенном смысле это так и есть: укорененность, уверенность в своей половой принадлежности – большой ресурс. Но, во-первых, отчасти из-за слома традиционных культурных традиций и прочего постмодернизма, отчасти из-за утраты преемственности поколений современные девочки, девушки, женщины как бы отключены от этого ресурса. Во-вторых, уверенность уверенностью, но почему-то все время надо соответствовать каким-то стандартам: 90-60-90, не есть после шести, хотеть платьишко (с оборочками!), быть милой и вежливой, не показывать свой ум, ждать прекрасного принца, мечтать о семье… Особенно сильный натиск стереотипов массовой культуры стал ощущаться в последние лет пятнадцать, когда «гламур» и реклама достигли невиданного размаха.

[?!] Общество потребления категорически не поддерживает идею принятия себя, своей женственности, своего тела, своей красоты, своей способности быть хорошей матерью, хорошей дочерью, хорошей женой. Вместо этого предлагается все время стремиться к какому-то «нью»-, «апгрейтед» – варианту: быть стройнее, моложе, успешнее, улучшаться, улучшаться, улучшаться… За этим шумом совершенно невозможно различить собственный голос.

В-третьих, плохо с образцами женственности, на которые можно было бы ориентироваться. Как и в случае с образцами мужественности, во многом причина тому – исторические процессы, происходившие на территории нашей страны (я имею в виду территорию бывшего СССР, ныне – постсоветское пространство). Несколько войн и революций подряд сильно изменили и уклад жизни, и соотношение полов в каждом из возрастных срезов, и в целом наполнение гендерных ролей. Из-за сильного дефицита мужчин молодого и зрелого возраста, погибших в результате социальных катаклизмов, многим женщинам пришлось взять на себя некоторую часть мужских функций («Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик»). И на наших глазах в буквальном смысле сформировался новый тип женщины – сильной, властной, забирающей на себя ответственность и абсолютно не нуждающейся в мужчине – ни в каком качестве, и удивляющейся при встрече с живым представителем «марсианской идентичности» на своем пути. Как самки богомола, которые страшно изумляются, встретив своего бывшего.

Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд…
А кони все скачут и скачут
А избы горят и горят.

Наум Коржавин

Это вроде как: «Не мы такие, жизнь такая!» Ну да, это и впрямь жизнь такая, если, как в середине XX века, мужчин поубивало на войне, их место вынуждены были занять женщины и подростки, а мальчикам-девочкам пришлось вырасти без отцов. Никто не виноват. Такие дела.

Но сейчас, хочу напомнить, уже давно XXI век, войны на нашей территории (я имею в виду территорию России) не было семьдесят лет, а прекрасная женщина, которая «слона на скаку остановит и хобот ему оторвет», никуда не девается. Более того, часто оказывается на месте воспитательницы в детском саду, учительницы в школе или кружке и, конечно, в роли мамы или бабушки. Насколько такие властные, похожие на китайский танк женщины вредят мальчикам, я писала в книге о воспитании мальчиков. Но не меньше вредят они и девочкам – и потому, что в принципе ведут бой со всем на свете не на жизнь, а на смерть, до полного уничтожения противника, и потому, что являют собой странный образец для подражания.

По сути, мы видим перед собой довольно много женщин, отключенных от своей природы, даже, как будто, ее преодолевших. И при этом совершенно не способных выполнять то предназначение, которое лежит в основе женского самоощущения: родить и вырастить ребенка так, чтобы он ушел в мир, готовый там жить самостоятельно. Их недоверие, страх, привычка все-все-все контролировать не дают ребенку вырасти смелым и компетентным. А властность, совершенно каменная, бронебойная агрессия таких женщин – как раз и есть проявления страшного недоверия и фанатичного контроля как способа справиться со всеми ужасами враждебного мира.

Не дают такие женщины и подходящего примера, не отвечают на вопрос: как это – быть женщиной? Потому что настоящий пример – это «какой надо быть», а не «какой – не надо ни в коем случае».

И это притом что в наших народных сказках сохранились очень древние сюжеты про женские обряды инициации, предназначенные для каждого возраста. Причем удивительно, что, в отличие от сказок Западной Европы, где персонаж-девочка вообще отсутствовал практически все Средневековье и появился снова только в XVII–XIX веках, и то по большей части в авторской сказке, в наших сказках всегда присутствовали женские персонажи всех возрастов. Что, в общем-то, говорит и о значительной роли женщин в традиционном укладе жизни, и о доступности представлений о том, как нужно становиться девочкой, девушкой, женщиной, в виде сказочных сюжетов, передаваемых последующим поколениям. Но кто сейчас читает эти сказки? А главное, кто действительно пытается вслушаться в то, о чем в них говорится?

А говорится примерно следующее: девочке важно уметь быть стойкой в разнообразных драматических обстоятельствах; победить прево с ходящего по силам противника можно, если заручиться поддержкой высших сил и иметь доста точно трудолюбия, быть нелицемерной и уметь трудиться. В отношениях с драматическими обстоятельствами внешнего мира важно сочетание упорства и смирения, умения настоять на своем и умения приспособиться – именно эти качества демонстрируют сказочные героини, которым в конце концов достается

награда. Более подробно об этом пишет Кларисса Пинкола Эстес в книге «Бегущая с волками».

Традиционно мудрость, составляющая основу женственности, передается девушкам от женщин, уже утративших способность к деторождению, от старших в иерархии. При этом стоит заметить, что у женщин несколько иное отношение к иерархии, чем у мужчин. Сами по себе женщины не организуются в жесткие иерархические системы, как в какой-нибудь корпорации, где во главе стоит Самый Большой Начальник, потом два начальника поменьше, потом заместители начальников поменьше, потом заместители заместителей начальников поменьше, и так до самого последнего старшего помощника младшего дворника каждый четко знает как свое место, так и место своего начальника и своего подчиненного.

Естественная для женщин структура больше всего похожа на прайд. Важен статус женщины в сообществе, и он определяется несколькими параметрами. Причем, как и в случае с «естественной мужской структурой», причины, обусловившие появление такого подхода, не очень актуальны, но мы все равно продолжаем именно так определять для себя и свой собственный статус, и статус других женщин!

Так вот, на что мы ориентируемся? Первый параметр – это возраст. Чем старше женщина, тем выше ее статус. Авторитетной, опытной, умной, той самой «ведающей матерью», признанным лидером может быть только очень взрослая, прожившая жизнь женщина, в идеале – мать взрослых детей и бабушка внуков.

Второй параметр – количество детей, которых родила и воспитала конкретная женщина. Якобы, реализовавшись как мать, она приобрела какое-то важное знание, отличающее ее от других. А вот чисто карьерные достижения такого веса почему-то не имеют, хотя и идут «в зачет», вызывая уважение, восхищение или даже зависть.

И, осмелюсь заметить, принижение женского ума или гендерные стереотипы тут совсем ни при чем. Скорее, действует что-то вроде «памяти предков», пещерное знание о том, что женщина, сумевшая сохранить большое количество своих потомков, обладает крайне ценными знаниями и опытом. Даже в традиционном сообществе, где смерть ребенка в раннем возрасте была нормой, а не из ряда вон выходящим событием, женщины, у которых «не стояли деточки», переживали не только глубокое горе, но и свою какую-то глубинную несостоятельность, подрыв женской идентичности. Вспомним персонажа романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», простую бабу, пришедшую на поклон к старцу Зосиме, как она плакала о том, что ей не вырастить ни одного ребенка, не стать матерью!

Третье, на что мы ориентируемся, – это статус мужа, если речь идет о женщине детородного возраста. Опять же, рискую заслужить неодобрение агрессивных феминисток, но, мне кажется, в такой оценке есть доля истины, доставшаяся нам вместе с культурой. Еще сто пятьдесят лет назад социальный статус женщины определялся, за редчайшим исключением, только социальным положением ее мужа. Конечно, и Российской империей правили императрицы, но давайте вспомним, откуда эти императрицы брались?! Да, была у нас на престоле простая литовская крестьянка. Но сначала она довольно удачно вышла замуж, стала вдовой, а уж потом – государыней императрицей. Ну а одной немецкой принцессе пришлось не только сначала выйти замуж за наследника престола и долго-долго терпеть властную свекровь, но и устроить переворот со свержением муженька с трона.

С тех пор социальный строй сильно изменился, конечно, у нас есть равные избирательные права, возможность получать высшее образование, работать, растить детей вне брака, сохранять фамилию, носить брюки и короткие стрижки, владеть имуществом… Есть и возможность иметь собственный социальный статус, ничуть не ниже, а иногда и выше, чем статус супруга или возлюбленного. Но почему-то в глубине души мы мыслим теми же категориями: чем выше статус мужчины-партнера, при прочих равных, тем выше статус женщины среди ровесниц. Что, конечно, временами очень мешает женщинам в постсоветском про-

странстве и выбирать спутников жизни, и спокойно относиться к тому, что женщина может делать карьеру более стремительно и успешно, чем мужчина. Помните, в фильме «Москва слезам не верит» подруга говорит главной героине: «С твоей должностью тебе совсем трудно будет. Если только министр какой холостой попадется… Мужики ведь не любят, когда баба выше их стоит». Но это совершенно отдельный разговор. Здесь я просто пытаюсь рассуждать о том, как мы самоорганизуемся в структуру и в чем тут отличие именно женского подхода от мужского. Есть еще один параметр, который стал важным, пришел на смену параметру «привлекательность на брачном рынке» и выдвинулся на первый план в связи с изменением общества. Это именно количество и качество личных достижений. Если еще сто лет назад, оценивая какую-то женщину, ее подруги-«однополчанки» говорили: «Она редкая красавица!» или «У нее отличное приданое!», или «Она будет хорошей женой», то теперь нередко услышишь что-то вроде: «Она очень успешная женщина!», «Она великолепный профессионал!», «Она всего сама добилась, отлично зарабатывает!». Да, это тоже важно, может быть, *ничуть* не менее важно, чем для мужчин, но, скорее, в случае с женщиной здесь упор на самостоятельность – надо же, она смогла!

[?!] Так вот, из совокупности этих четырех параметров: возраста, количества детей, статуса мужчины-партнера и личных достижений – и складывается незримый рейтинг, благодаря которому взрослая женщина занимает то или иное место среди женщин своего поколения.

Потому что для любой женщины существует незримое сообщество, к которому она принадлежит. То, что в нашей традиционной культуре называлось «беседой»: сообществом девушек одной общины. Внутри такого сообщества девочки и девушки равны между собой (есть, правда, внутреннее сообщество, «малая беседа», для девушек постарше, куда не допускаются младшие по возрасту). Отсюда легко объяснима наша манера называть ровесниц в коллективе «девочками», даже если мы все уже ближе к пенсии, чем к стипендии, – для нас это значит, что мы принадлежим к одной «беседе», к сообществу женщин одного поколения. И для женщины любого возраста среди ровесниц не может быть главных, могут быть чуть более статусные – выделяющиеся умениями или теми достижениями, которые дают статус (положение мужа и дети), но высших нет.

Реальными лидерами могут быть только старшие по возрасту женщины, именно в силу возраста стоящие выше, над сообществом «девочек». И признание их главенства происходит на основании того, что они просто освоили следующую ступень становления женственности. Или – не освоили, и тогда это выдуманное лидерство, дутый авторитет, не основанный на реальном присвоении опыта – как быть женщиной этого возраста. Вот поэтому не только у мальчиков, но и у девочек возникают трудности с властными, холодными, чрезмерно доминирующими женщинами – это мнимые лидеры, мнимые образцы. Вместо сотрудничества и способности договариваться они используют контроль и агрессию. А с агрессией у девочек и женщин тоже несколько иные отношения, чем у мальчиков и мужчин.

Отношение к агрессивности и независимости

Удивительно, но девочки сочетают в себе два несочетаемых свойства! Из-за того, что природа не толкает их на путь нахождения своего места в жесткой иерархии, они несколько более независимы, чем мальчики. С другой стороны, как мы уже говорили выше, девочка настроена на общение с другими, на уступчивость, компромиссность и поддержание близких отношений, и это делает ее более зависимой от значимых других, прежде всего – от родителей и их мнения.

Для девочки после определенного возраста очень важно мнение и отношение отца. Если в семье достаточно мягкий, но с четкими границами стиль воспитания, девочки не будут расти агрессивными, им просто не нужно обороняться.

Для маленького мальчика драка, выяснение, кто сильнее, – это просто контактный спорт, способ быстро установить отношения. Девочки тоже могут быть и шумными, и подвижными, и задиристыми, и склонными к разным шалостям, но в таком способе установления контакта обычно не нуждаются. Более смелые сразу пускают в ход обаяние, спрашивают: «А как тебя зовут?», более робкие – просто наблюдают, а потом присоединяются к общей игре, спросив только: «Можно с вами?» То есть и в тех случаях, когда нужно «выйти в мир», девочки опираются на свою наблюдательность, умение настроиться на других, на те способности, что дает им социальный интеллект.

К тому же девочки, в силу своей общей устойчивости, могут спокойно переносить некоторый уровень агрессивности окружающей среды без того, чтобы реагировать ответной агрессией.

Говоря языком химических понятий, у девочки гораздо выше предельно допустимая концентрация агрессии в среде – в семье или коллективе, – та, которую она способна вынести, не сильно, как будто бы, изменяясь. Но вот если злости, гнева, криков, недовольства и насилия становится слишком много – так, что больше нельзя не принимать происходящее близко к сердцу, – девочка может стать очень и очень злобной, гневливой, драчливой, и ее поведение будет иметь оттенок безжалостности. Как будто бы разом перегорают предохранители, «падает планка»!

Кое-что, конечно, зависит и от общего типа реагирования нервной системы. Помните известную легенду о том, как Юлий Цезарь при отборе воинов в свою армию неожиданно взмахивал мечом перед лицом кандидата и брал тех, кто краснел (от гнева), а тех, кто бледнел (от испуга) – не брал? Эта байка хорошо иллюстрирует две реакции нервной системы на стресс – «дерись или беги». Есть еще одна реакция – «замри и упади в листики», но она гораздо менее распространенная.

[?!] Это врожденные реакции нервной системы на воздействия, которые требуют быстрого, автоматического, без всякой интеллигентской рефлексии, ответа. Грубо говоря, если на тебя едет автомобиль, не надо размышлять, что не так с твоей кармой, – надо убираться с дороги.

Грубость, крик, нападки, оскорбления, удары – недвусмысленный способ выражать агрессию – часто вызывает у нас такую же реакцию, как едущий на нас автомобиль, – реакцию стресса. И вот если нервная система устроена так, что она по преимуществу возбуждается, то мы будем злиться в ответ, а если по преимуществу угнетается – обратимся в бегство, расценивая силы противника как превосходящие. Девочки, как более физически слабые существа, чаще реагируют «бегством» или, на худой конец, «падением в листики». Феминистки в этом месте могут кидать тапки и помидоры, но против правды не попрешь:

большинство из нас слабее даже не очень сильных мужчин, а уж если сравнить нас с Валуевым…

Во многом тут играет роль гормональный фон: высокий уровень мужского полового гормона тестостерона существенно повышает и частоту реакции по типу «дерись», и уровень агрессивности в целом. Но, так или иначе, довольно много девочек, находясь в постоянном стрессе от того, что вокруг них много грубости, криков, драк или, не дай бог, физических наказаний, становятся очень тревожными и робкими.

Однажды у меня на приеме была девочка, которая занималась бальными танцами. Отец привел ее на консультацию, потому что она была очень робкой, стеснительной, часто плакала и боялась не только выступать на танцевальных конкурсах, но и отвечать у доски. В ее группе был добрый, понимающий и заботливый педагог. Но с ними вместе в зале занималась еще одна группа детей-ровесников, которым не так повезло, – их тренер был жестоким, злым человеком, он не только оскорблял детей, кричал на них, но мог даже ударить кого-то или оттаскать за волосы. Не спрашивайте меня: «Почему это происходило?!» или «Куда смотрели родители?!» Как выяснилось, родители знали о том, что происходит, но считали, что с детьми вполне можно так обращаться ради достижения творческих вершин и побед на конкурсах. Так вот, впечатлительной девочке достаточно было «всего лишь» смотреть на жестокое обращение с другими детьми, чтобы постоянно тревожиться, бояться и выдавать реакцию «бегства».

Впрочем, ничего удивительного тут нет. Вряд ли кому-то из нас не станет страшно, если на наших глазах кто-то более сильный и властный будет оскорблять и бить другого человека, пусть даже не трогая нас самих!

Так что если вам не хочется, чтобы ваша дочь была похожа на ночную фурию или на робкого, забитого зверька, оберегайте ее от злобы, жестокости, психического давления, физической агрессии.

Пара слов о погоде в доме и физических наказаниях

Девочка должна быть уверена, что если она сама не справится, ее обязательно защитят: отец, мама, старший брат, старшая сестра, Бог, ангелы, баба Зина с большой палкой. Конечно, такая уверенность на самом деле нужна ребенку вне зависимости от пола, но если говорить о девочках, то беззащитность перед злостью подрывает в них основу женской сути, женского отношения к миру – способность доверять, расслабляться, чувствуя себя защищенной.

Потому что реализация женского предназначения – вынашивание, рождение, выращивание детей – напрямую зависит от способности выбирать того, на кого можно полагаться, кому можно доверять себя и своего ребенка.

Если же девочке приходится жить там, где все время нужно бояться, драться или убегать, где она не чувствует, что ее способны защитить, нарушается и ее способность выбирать защитника, партнера, будущего отца – то есть способность доверять себе и другому. Чтобы доверять себе, нужно быть расслабленной, настроенной на свои ощущения, спокойной. Чтобы доверять другому, нужно поверить, что он надежен, «своих не сдает» и никогда не причинит зла.

Увы, ни того, ни другого опыта не получить там, где все непрестанно орут, дерутся, манипулируют, язвят, ненавидят друг друга. И совсем уж плохо, если такая атмосфера царит в семье. Поэтому так важно родителям договариваться друг с другом, а возникающие разногласия решать без развернутых боевых действий, после которых тридцать лет не растет трава.

Избегайте физических наказаний, попробуйте расширить свой репертуар дисциплинарных воздействий на ребенка. Ведь помимо ремня и подзатыльника есть еще много способов донести до него свои эмоции и стандарты воспитания. Это может быть и устранение последствий («Убери разбитую чашку, вытри лужу», «Зашей рваное платье»); и лишение удовольствия («Сегодня ты не будешь смотреть мультики»); и просто разговор («Как я злюсь и огорчаюсь, ты меня подвела»); и «коробка позора» («Посиди на стуле», «Постой в углу»); и компенсационные работы («Неделю убирай туалет за кошкой»); и возмещение ущерба («Ты лишаешься карманных денег, пока не накопим на новый телефон»). Ну и, конечно, наказания должны соотноситься с возрастом и интеллектом ребенка, ведь у нас задача – научить, а не запугать, правда?

Скажем, у младенца уровень понимания невелик, он только учится, познает мир. Из этого мы и должны исходить, устанавливая границы допустимого. Запреты, связанные с безопасностью, то есть такие запреты, несоблюдение которых влечет за собой несчастный случай, должны быть четко обозначены. Ребенок должен знать, что они не отменяются ни при каких условиях, что родители очень серьезны и настойчивы, объясняя, что это опасно. Стоит помнить, что сами по себе слова «опасно» или «нельзя» мало что говорят неопытному малышу, не содержат в себе ценной информации. Лучше, когда слово-запрет сопровождается и объяснением: «Горячо!», «Упадешь!», «Остро!», «Высоко!», «Машина!» и т. д.

Хорошо, если есть возможность проиллюстрировать характер опасности в «варианте-лайт»: слегка кольнуть острым предметом, дать дотронуться до неприятно-горячего. Помимо того что вы устанавливаете границы и в то же время даете знание об окружающем мире и его свойствах, вы таким образом формируете у ребенка доверие к своим словам и к способности предостерегать его от неприятностей.

[?!] Заложенный в столь раннем возрасте фундамент доверия очень поможет вам, когда ваша связь с деточкой будет трещать по швам и проверяться на прочность, – в подростковом возрасте.

Когда девочка станет чуть постарше, большую часть дисциплинарных воздействий можно будет свести к устранению последствий, а иногда к наказанию по типу «посиди подумай». Ну а остальной арсенал – он, скорее, для детей начиная лет с девяти-десяти, просто потому, что до этого возраста ребенок еще не очень-то способен осознавать последствия. Многое из того, что делают дети, они делают не «специально», не для того, чтобы «сознательно изводить» взрослого, а просто от резвости нрава и некоторой детской рассеянности, неспособности предвидеть, к чему приведет поступок. Реальная способность прогнозировать длительные последствия своих действий развивается лет с четырнадцати и окончательно формируется ко взрослому возрасту, если, конечно, сбросить со счетов категорию граждан, которые прямиком переходят из инфантилизма в маразм, не задерживаясь на стадии учета и планирования отдаленных последствий своих деяний.

Именно поэтому взрослому, который воспитывает ребенка, важно помнить, что он – прежде всего тренер. Он рассказывает, очерчивает границы и далее – показывает способы: а еще под нашу музыку можно делать вот так!

Чем больше способов реакции мы показываем ребенку, тем богаче палитра его поведения. Чем более конструктивны и адаптивны эти способы, тем он лучше приспособится к дальнейшей жизни среди себе подобных.

Возвращаясь к злобным нападкам и физическим наказаниям, еще раз скажу – это бедный, малоинформативный и однообразный способ. Вряд ли умение бить в лицо обидчика и орать поможет договориться с инспектором полиции, кассиршей в супермаркете, подчиненным в офисе. Мало поможет во взрослой жизни и тотальный страх перед каждым трамвайным хамом, боязнь отстаивать свою позицию или парализующий ужас перед молодым человеком, который внезапно решил тебя ударить, потому что ему показалось, что ты строила глазки «во-он тому парню». Давайте постараемся научить наших дочерей разнообразным реакциям и объясним, как именно с ними никто не должен обращаться.

Хочется также отметить вот что: физические наказания и жестокость нарушают еще одну важную штуку – телесную границу. При систематическом применении телесных наказаний девочка перестает верить, что ее тело принадлежит только ей, что она вправе им распоряжаться, вправе ограничивать другого в том, что делать или не делать с ее телом. Что, конечно же, сильно искажает восприятие и переживание своего тела.

Поговорим теперь немного о том, как вообще девочка ощущает себя, свое тело, как обходится с ним.

Восприятие и переживание своего тела

Каждый из нас, вне зависимости от пола и возраста, точно знает, что его тело принадлежит ему. Конечно, многие из нас, будучи слегка идеалистами, следуют рассуждениям Платона: я – это душа, живущая в темнице тела. Кто-то же, наоборот, считает, что я – это и есть мое тело, раз ничего другого на раздаче не предложено. Но, так или иначе, в принадлежности нашего тела нам самим не сомневается никто, кроме разве что больных, страдающих редкой формой шизофрении.

И если мальчики, среди которых статистически чаще встречаются так называемые кинестетики, то есть люди, воспринимающие окружающий мир, прежде всего, через движение и телесные ощущения, смотрят на свое тело с практической точки зрения: насколько оно ловкое, шустрое, сильное, подвижное, способное влезать на самое высокое дерево, ездить на велосипеде быстрее всех, – девочки смотрят на свое тело несколько иначе.

Хотя многим мама пела в детстве: «Не родись красивая, а родись счастливая!», девочки довольно пристально изучают себя с точки зрения соответствия принятым на данный момент в обществе эталонам красоты и как будто оценивают свое тело со стороны, «глазами другого».

[?!] Стоит отметить, что формирование образа тела и собственной телесной привлекательности у ребенка происходит тогда, когда он или она начинает узнавать себя в зеркале, то есть месяцев в восемь-девять.

Конечно, кое-что о своей привлекательности ребенок знает и раньше. Насколько часто его берут на руки? Насколько много ему улыбаются, играют с ним, тетешкаются, называют «сладеньким», «лапочкой», «красавчиком/красавицей»? Не мелькает ли у матери и других близких взрослых гримаса отвращения на лице при взгляде на него?

Но в восемь месяцев, когда ребенок начинает видеть свое отражение и понимать: «Вот я! Я выгляжу вот так! Смотри, Арина Родионовна, я пришел!» – у него начинает формироваться образ «Я глазами других» и как-то соотнесенное со своими чертами представление о собственной красоте/некрасивости. Если в этом возрасте мама, поднося младенца к зеркалу, как и всякая любящая мать, непрестанно щебечет о том, «какие ножки – какие ручки – какой пупсик – какая улыбка – папа, только посмотри, такого очарования я еще не видела!», ребенок запоминает: я прекрасен! Я любим! Я нравлюсь лучшим людям на Земле, меня можно полюбить за то, какой я!

Конечно, слова могут быть другими, да ребенок и слов-то таких не знает. Но это то, что психологи, любящие простые вещи обзывать умно и длинно, называют *базовым представлением о себе.*

И каждый из нас, погрузившись в себя достаточно глубоко и поискав, найдет где-то на донышке глубоко закопанное ощущение «какой я»: «Я красив, меня можно любить» или «Я – уродец и никому не нравлюсь». Эта запись потому такая простенькая, что она оттуда, из того времени, когда мы еще не знали слов и мало что знали о себе. И основана она только на том, с какой интонацией, с каким выражением лица обращались к нам близкие взрослые.

Но тут, как в компьютерной игре, помимо базового уровня есть еще уровни последующие. Довольно долго маленькая девочка ориентируется на оценки значимых других, расценивая себя, свое тело в целом и отдельные его части с точки зрения красоты или некрасивости. Поэтому очень важно, что говорят окружающие взрослые, прежде всего отец и мать,

принимают ли они дочь такой, какая она есть, или считают, что ее саму или ее внешность следует «улучшить». Отпускают ли они обидные, уничижительные, оскорбительные комментарии по поводу роста, веса, каких-то особенностей внешности или просто радуются тому, какой именно у них ребенок.

Хочу заметить, что взрослые бывают иногда удивительно изобретательны в говорении гадостей: «Ничего, что ты, Маша, не такая умная, как твоя сестра, зато ты у нас красивая!»; «О да, ты растяпа и ничего сама не умеешь, но ведь красивые вещи и должны быть бесполезными»; «Ты, конечно, толстая, но про толстых говорят, что они добрые», «У тебя большие уши, давай прикроем их волосами!» И так далее, перечень можно продолжать.

К счастью, дети в коллективах сейчас в целом гораздо добрее, чем во времена моего детства, когда у большинства были прозвища, связанные с физическим несовершенством: жиртрест, очкарик, дылда, шибздик, дистрофан…

Но на смену давлению, которое оказывали сверстники, пришло давление массовой культуры! Свято место, как говорится, пусто не бывает. И вот уже подавляющее большинство девочек предподросткового и подросткового возраста сидят на диетах, уверенные, что у них лишний вес. А все благодаря тому образцу красоты, который активно пропагандируют СМИ и индустрия игрушек и развлечений для совсем маленьких девочек.

У Барби и последовавших за ней кукол, вплоть до нынешних любимиц многих девочек, кукол «Монстр Хай», искаженные, имеющие мало общего с человеческими, пропорции. У них сильно увеличена голова, а на ней – глаза и губы, та же история – с грудью и ягодицами, стопы и кисти, напротив, уменьшены, талия утончена, а туловище укорочено. А «Монстр Хай» – еще и не люди, а трупы. Они синего или зеленого цвета, иногда с клыками или черными губами. Причем, как обычно, находятся специалисты, которые говорят: «Ничего страшного, мы просто прививаем детям толерантность».

Рискую выступить в этом месте как ворчливая бабка, но, по-моему, куклы-покойнички – это все-таки слегка чересчур. И даже бог с ней, с эстетикой, хотя лично меня чуть не стошнило, когда я впервые увидела их в магазине. В конце концов, может, я чего-то не понимаю. Но вообще-то игрушка для девочек пяти-десяти лет предназначена для символической ролевой игры. И если это кукла, то она для символической игры в «дочки-матери», то есть изображает ребенка, за которым «я, когда вырасту, буду ухаживать». Вот и не могу я понять, почему вдруг на этом месте оказалась зомби синего цвета – псевдодевушка-покойник? Вдобавок, любая игрушка – предмет для отождествления с ним, одушевления, развития фантазии и символизации… Зачем одушевлять такое? О чем, глядя на малышку-зомби, можно фантазировать? Явно ведь о чем-то другом, нежели с традиционным мишкой или обычной куклой на руках. В любом случае, у живой девочки нет никаких шансов стать похожей ни на Барби, ни на Монстра Хай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.